

ВЕРОНИКА ФОКС

БЕЗ
ПАМЯТИ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф75

Фокс, Вероника.

Ф75 Без памяти / Вероника Фокс. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с. — (Love&Crime. Любовь, страсть, преступление).

ISBN 978-5-04-172850-2

Ее зовут Мия Эванс. Она замужем, живет в огромном доме в престижном районе города. Вот только совершенно не помнит последние полгода своей жизни...

Все меняется, когда однажды в парке к ней подбегает незнакомец, который называет себя Майклом, а ее — Оливией и умоляет вспомнить его. Но как вспомнить того, кого не знаешь?

Наверное, стоит сообщить полиции о том, что в городе объявился безумец, а возможно, даже маньяк. Но вместо этого Мия начинает шаг за шагом восстанавливать пробелы своей памяти и тайно следить за мужем. Вернуть утраченные фрагменты жизни очень непросто, особенно если амнезия — результат чьего-то злого умысла. Но еще труднее вынести дьявольскую пытку, когда воспоминания начинают по крупицам возвращаться, а в них — совершенно жуткие события...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172850-2

© Фокс В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

*Посвящается всем,
чье сердце хотя бы раз в жизни
разбивалось вдребезги*

ГЛАВА 1

ОНА

Говорят, что в горьких воспоминаниях, которые мы называем прошлым, заключается часть нашего настоящего. И вряд ли в мире найдется способ изменить это.

Мне не удастся сомкнуть глаз этой ночью — впрочем, как и во все предыдущие ночи. За окном завывает ветер, ветки голых кустов бьют по фасаду, издавая противный скрежет. Тени на потолке отчеканивают хаотичный танец, в котором путаются друг с другом, словно отплясывая старинную кадрили.

Поворачиваю голову, чтобы взглянуть на часы. Электронные пиксели, высвечивающиеся на экране, показывают два часа ночи. Тяжело вздыхаю, поправляя пуховое одеяло на груди и ерзя головой по подушке. Снова пытаюсь уснуть, но понимаю, что сегодня в очередной раз потерплю провал в своих грандиозных планах на сон. С трудом проглатываю тягучую слюну, которая дерет глотку и кончик язычка, вставая комом в горле.

Телефон раздражительно жужжит на прикроватной тумбе, и я нехотя поднимаю его. На экране высвечивается имя Джекки. Это мой муж. Крепко сдавливаю телефон в руке, но через пару секунд он замолкает. Экран потухает, погружая меня обратно в темновые блики. Смотрю на темный квадрат, не понимая, что хочу в нем разглядеть. Губы

пересыхают, покрываясь дергающей коркой. Поджимаю их и чувствую легкое покалывание, а после — привкус железа. Облизывая их, вновь подмечаю, что едва затянувшаяся рана лопнула на нежной плоти. Выключаю телефон, зажав кнопку на торце, и откладываю его на тумбу.

Повернувшись на бок, укрываюсь с головой и снова погружаюсь в свои мысли. Они темные, хаотичные, тяжелые.

В темноте разглядываю очертания рамки, стоящей на другой прикроватной тумбе. На фотографии я и Джек. Счастливая пара перед пышной свадьбой, которая так и не состоялась. Воспроизвожу в памяти черты лица мужа, оглядывая темноту и его приблизительное местоположение на фото.

Туманные воспоминания не дают разглядеть картину прошлого. Глаза болят от сухости.

Не выдержав, включаю ночник и встаю с кровати.

Я потеряла память полгода назад. И с тех пор меня мучают ночные кошмары. Мой психиатр говорит, что это временно и настанет день, когда я смогу вспомнить свое прошлое. Подвести черту и отпустить всю ту боль, которую испытываю изо дня в день. Сказать по правде, в большей степени я ему верю. Только вот на этом мои беды не заканчиваются.

Ступаю босыми ногами по холодному ламинату, прохожу по коридору дальше. Спускаюсь по лестнице.

В этом большом доме я чувствую себя одиноко. Кремовые стены давят, будто я нахожусь в черной коробке, которая с каждым моим шагом все уменьшается в размерах. Настанет день, и я вздохну с облегчением, освобожусь от оков своих нескончаемых кошмаров и войду в яркую и красочную новую жизнь. А пока мне нужно бороться со

страхом, отчаянием, одиночеством и тяжелым бременем, висящим грузом на моих плечах.

Автоматические бра загораются, когда я прохожу мимо них. Спустившись по лестнице, попадаю в просторную гостиную, в которой стоят огромный белый диван, большой телевизор и несколько горшков с карликовыми деревьями. Гостиная переходит в большую столовую, и я не понимаю, для чего она нам нужна такая необъятная, если гостей мы никогда не приглашаем. Огромный массивный белый стол возвышается в центре, к нему по всему периметру придвинуты восемь стульев.

Белый, кремовый, персиковый — все эти светлые оттенки напоминают мне тот день, когда я очнулась в больнице в ужасе от того, что не помню, кто я такая.

Дойдя до кухни и выпив стакан воды, выглядываю в окно. Там меня встречают лишь тишина с темнотой. Тусклое освещение от уличных фонарей охватывает некоторые участки земли, но большая часть покрыта мраком.

Перед глазами вновь возникает картина: коридор из красного кирпича, идущие рядом мужчины, и затем — слепящий свет. Ощущаю, как по телу расплзается ужасающая волна мурашек, которая пробуждает затаившийся кошмар в моих воспоминаниях.

Мотнув головой, отгоняю тревожные мысли и возвращаюсь обратно в комнату.

Спать совершенно не хочется. Всегда, после череды бессонных ночей, спустя пару дней является очередной кошмар, который выворачивает меня наизнанку. И каждый раз в приступе ужаса и паники мне кажется, что я теряю частичку себя, медленно сходя с ума.

Стараюсь прислушаться к звуку за окном, где сухая ветка стучит по фасаду.

Тук-тук. Один.

Тук-тук. Два.

Тук-тук. Три.

Закрываю глаза, погружаясь в пустоту мыслей, и сосредоточиваюсь на стуке.

Тук-тук. Четыре.

Тук-тук. Пять.

Проваливаюсь в темноту все глубже и глубже, пока меня окончательно не поглощает легкий сон.

Я снова вижу старый кошмар. Я в доме. Знакомом, с большими окнами и белесыми простынями, сдерживающими годовалую пыль. Сажу на стуле, связанная тугими веревками, и ощущаю кляп во рту. От сухости щиплет уголки губ. Передо мной туда-сюда ходят какие-то фигуры, но разглядеть их мешают слезы, льющиеся у меня из глаз. От страха практически не дышу. Раздается выстрел. Мне хочется закричать, но ничего не выходит. С жадностью глотая воздух, будто рыба на суше, я не могу ничего выдавить из себя. С каждой минутой меня все сильнее сдавливают веревки, а из-за кляпа я задыхаюсь. Раздается скрип деревянного пола, а потом — ужасающий меня голос. Низкий прокуренный тембр шепчет: «Игра началась, мышка!»

Я просыпаюсь, громко крича и вскакивая с постели. Дверь в спальню запахивается, и на ее пороге появляется подоспевший Джек.

— Солнышко, я рядом! — восклицает он, кидаясь ко мне и прижимая к себе. — Ш-ш-ш...

Убаюкивая меня, муж поглаживает мои волосы, шепча слова утешения. Я же не могу подавить истерику, захлебываюсь слезами, льющимися горьким водопадом, и чувствую, как от боли сжимается под ребрами сердце.

— Тебе снова приснился кошмар? — спрашивает Джек, касаясь губами моего лба.

— Угу, — кое-как выдавливаю в ответ.

— Я рядом, — говорит он, раскачивая меня из стороны в сторону. — Ты пила таблетки?

Ничего не ответив, я лишь киваю и сильнее прижимаюсь к его груди.

— Твои кошмары участились. Я позвоню завтра доктору Сэлби, хорошо?

— Ладно, — шепотом соглашаюсь я, честно пытаюсь успокоиться.

Муж встает с кровати и направляется к комоду. Вытащив из первого ящика прозрачный пузырек с капсулами, он протягивает его мне.

— Воды принести?

— Нет, — бубню я сквозь слезы и беру лекарство.

Вытащив одну капсулу и положив ее под язык, возвращаю ему остальные.

Это обычное успокоительное. С тех пор, как пришла в себя, кажется, я выпила столько пилюль, что и врагу не пожелаешь. Меня тошнит от одного слова «таблетки», но сейчас без них я вряд ли смогу самостоятельно прийти в себя.

— Солнышко, точно все хорошо?

На лице Джекки написана тревога. Я вытираю слезы, протягиваю к нему руки и сжимаю его ладони в своих.

— Все в порядке, правда. Это всего лишь кошмар.

И, глядя в бесконечно черные глаза супруга, я стараюсь подавить в себе тревогу.

— Когда ты приехал? — спрашиваю я, решив перевести тему.

— Я только зашел в дом, когда услышал твой крик, солнышко, — отвечает он. Мягкий тембр его голоса эхом отдается у меня в голове.

Джек поджимает губы, садится рядом и крепко обнимает меня за плечи. В этот момент ко мне приходит понимание, что он никогда не позволит моим демонам, которые уже полгода не дают нам обоим покоя, задушить меня.

Никто не может объяснить, что произошло той роковой ночью, после которой я забыла всю свою жизнь. Каждое утро мне кажется, что я что-то упускаю, какую-то маленькую деталь, которая смогла бы помочь мне вспомнить хотя бы малую часть моего прошлого. Джекки говорит, что в наш дом нагрянули бандиты, я получила пулевое ранение и меня чудом удалось спасти. «Пуля не задела жизненно важные органы, прошла в считанных миллиметрах от печени», — сказал врач, когда я открыла глаза в палате больницы. Однако, к собственному стыду, я этого не помню. В воспоминаниях сияет огромный пробел, который теперь разделяет мою жизнь на «до» и «после».

— Мия, ложись-ка обратно в постель. Сон ведь лучшее лекарство.

Поджав губы и ничего не ответив мужу, я покорно ложусь. Джек, не снимая одежду, устраивается рядом и тут же обнимает меня. Аромат его одеколona напоминает мне, что я в безопасности и со мной ничего не случится.

Мне немного совестно из-за того, что каждый раз, когда у меня случается приступ или снится один и тот же кошмарный сон, Джекки всегда рядом. Каждый раз. Каждый день. Каждую минуту. Потому что... я не чувствую к нему того же, что он питает ко мне. От этого совесть сильно гложет мой разум.

Постепенно я начинаю проваливаться в сон. «Успокоительное подействовало», — понимаю я и погружаюсь в безмятежное путешествие по пустоте...

* * *

Утром меня будит будильник. Потирая глаза, которые щиплет от сухости, обнаруживаю, что Джека уже нет. «Ушел на пробежку», — думаю я и, встав с кровати, направляюсь на первый этаж.

Спустившись по лестнице, оказываюсь на кухне. Налив в стакан прохладной воды, замечаю записку на холодильнике: «Не забудь поесть перед приемом таблеток. Люблю тебя. Дж.». Понимаю, что ночной кошмар не оставил сегодня темное пятно на моем настроении и я, к великому чуду, чувствую себя бодро.

Слабо улыбнувшись и приклеив бумажку обратно, решаю приготовить яичницу. Впрочем, сначала, конечно же, я иду в ванную и привожу себя в порядок, умываюсь и чищу зубы. Завершив привычные утренние ритуалы, возвращаюсь на кухню и принимаюсь колдовать над сковородой и яйцами, которые вскоре начинают шкворчать.

Ожидая приготовления пищи, включаю телевизор. По ТВ что-то неустанно вещает диктор — то про политику, то про разгоревшийся недавно скандал в каком-то издательстве, то про новый мировой рекорд... Все это звучит так монотонно, что очень быстро мне надоедает, и я переключаюсь на другой канал, где попадаю на фильм «Дневник Памяти». «Мой любимый», — отмечаю я про себя.

Делаю бутерброд с авокадо и сливочным сыром, выкладываю рядом на тарелку яичницу, наливаю кофе в кружку и усаживаюсь за стол.

Пока я поглощаю завтрак, заходит Джеки и с удивлением пялится на меня из самой прихожей, тяжело дыша.

— И это вы сами хотите все съесть, барышня?

— Да, а что?

Положив на язык кусочек, я демонстративно смакую его.

Мой муж медленно подходит к обеденному столу. Пот просачивается сквозь его белую облегающую футболку. Накачанное тело так и просит дотронуться до него, а темные татуировки лишь усиливают влечение.

— Тогда вас нужно немедленно арестовать за такой возмутительный поступок! — ворчит он сквозь зубы, облокачиваясь на спинку одного из стульев.

— А вы уверены, что у вас достаточно прав на подобное? — не отрываясь от еды, сверлю я Джека ехидным взглядом.

— Что ж, барышня... — Он медленно подходит ко мне, наклоняется и шепчет прямо на ухо: — Тогда мне придется увести вас в свою опочивальню!

Я улыбаюсь, встаю со стула и быстро убегаю от него со словами:

— Догоните, если сможете!

Джек сразу же срывается за мной, настигает у лестницы и стискивает в нежных, но крепких объятиях. Его мокрая от пота футболка липнет ко мне, и я, не удержавшись, с фырканьем ему говорю:

— Мужчина, вначале посетите душ!

— Только вместе с вами! — продолжая игру, рычит он в ответ и, поцеловав меня в шею, подхватывает на руки и несет на второй этаж.

ГЛАВА 2

ОН

— Господи, Сара! Ты всегда такая безмозглая?

После моих слов пухлые губы девицы, накачанные ботоксом, складываются в обиженную ухмылку, а зеленые глаза наполняются влагой. В конференц-зале томно гудит кондиционер, который раздражает меня.

— И как только Оливия с тобой работала? — жалобно бормочет она.

— Не смей сравнивать себя с ней! — цежу я и ударяю рукой по столу с такой силой, что девица вздрагивает. — Ты даже одного ее волоска не стоишь!

— Тогда почему ты со мной работаешь?

Ее писклявый голос выводит меня из себя. Я приподнимаюсь, наклоняюсь к ней и замираю всего в паре сантиметров от ее лица. Сара вжимается в стул и нервно сглатывает. Кошачий разрез ее глаз постепенно наполняется слезами. Выдержав небольшую паузу, я размеренно говорю:

— Уясни раз и навсегда, безмозглая ты блондинка: я просто вынужден работать с такими ущербными особями, как ты, и терпеть их тупые речи, пока не найду себе нормального редактора. Ты уже пятидесятая по счету из тех, кто пытается со мной работать. Если тебе невыносимо находиться со мной в такой рабочей атмосфере, то вали на хуй с моих глаз!